

1-29.
90 12547

ОРЕНБУРГСКАЯ БАШКИРІЯ

ВЪ ЛѢСОХОЗЯЙСТВЕННОМЪ И ЛѢСОПРО-
МЫШЛЕННОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

Владиміръ Викторовичъ Крuberъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Канцеляріи Спб. Градоначальника, М. Морская, № 9.

1887.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ. 11 Августа 1897 г.

Оренбургская Башкирія въ лѣсохозяйствен- номъ и лѣсопромышленномъ отношеніяхъ.

Лѣсная Башкирія представляетъ значительное пространство, занимающее уѣзды Оренбургскій, Орскій и Верхнеуральскій—Оренбургской губерніи, Златоустскій и Уфимскій—Уфимской губерніи и Екатеринбургскій, Красноуфимскій и Осинскій—Пермской губерніи. Данныя, изложенныя въ настоящей статьѣ, касаются Оренбургской Башкиріи, но все, что касается условій экономическаго быта башкиръ, образа жизни ихъ, условій быта и состоянія лѣсовъ одинаково вѣрно для всѣхъ вышепоименованныхъ мѣстностей. Описание степной Башкиріи не входитъ въ настоящій очеркъ.

Башкирское населеніе, владѣющее лѣсами, разселено небольшими деревнями по лѣсному пространству. Большинство башкиръ владѣетъ большимъ надѣломъ, отъ 8 до 15 десятинъ, и кромѣ того сверхнадѣльной землей, въ значительномъ количествѣ. «*Урманъ*» — лѣсъ, это, такъ сказать, стихія лѣснаго башкира. Онъ въ немъ выросъ, лѣсъ его кормитъ, даетъ ему заработокъ, средства къ жизни, даетъ все, что нужно для домашняго обихода. Зимой башкиръ живетъ въ деревнѣ. Срубъ сажени въ двѣ, или съ небольшимъ, крыша драичная или лубочная, сѣни такія же, два—три окошка, изъ коихъ часто одно только со стеклами, а остальные закрыты пузыряремъ—вотъ безроскошное жилище башкира. Входите въ избу. Въ углу «*шувалъ*» — большая печь, въ родѣ камина, изъ дынаго камня, часто безъ малѣйшей обдѣлки кирпичемъ, съ прямой, широкой, пролетной трубой, которая закрывается съ крыши просто доской или какимъ нибудь тряпьемъ. Противъ шувала, къ лицевой сторонѣ избы, низкія нары; по нимъ грубые ковры своего тканья; нѣсколько тряпокъ, кусковъ ткани собственнаго издѣлія, или ситца развѣшаны по стѣнамъ и по жердямъ, иногда, и даже перѣдко, самоваръ и чашки, самая простая чугунная и деревянная посуда,—вотъ неприхотливая обстановка башкирскаго жилища.

Дворъ обыкновенно огороженъ лубками, разнымъ мелкимъ лѣсомъ; въ углу двора—лубочный навѣсъ для скотины, иногда, только слегка защищенный съ боковъ отъ непогоды и снѣга. Чистотою башкирскія жилища не отличаются, и только у зажиточнаго меньшинства посѣтитель находится въ безопасности отъ насѣкомыхъ и разной грязи.

Рабочая пора для башкиръ—зима, въ это время года они рубятъ лѣсъ, вывозятъ его къ сплавнымъ рѣкамъ; къ веснѣ работаютъ при сплавлѣ лѣса, а также занимаются гонкой смолы. На работу башкира выгоняетъ нужда—ѣсть нечего, муки нѣтъ, чая нѣтъ, вотъ и идетъ башкиръ работать, строго наблюдая однако при томъ, чтобы не работать лишняго и работой этой, по возможности, себя не обременять. Онъ сокращаетъ свои потребности до невозможнаго, лишь бы не слишкомъ отяготить себя работой. Прѣсная лепешка составляетъ основаніе всего его питанія. Иногда покупается пшено, изъ коего варится «юра», болѣе или менѣе жидкая каша, а если башкиръ имѣетъ чай, то онъ уже и совсѣмъ счастливъ.

Весною башкиръ оживаетъ, выходитъ изъ своей хаты, какъ ошоченная муха изъ зимней щели.

Только что весеннее солнце его пригрѣло, снѣгъ стаялъ, отправляется онъ въ лѣсъ, выбираетъ удобное мѣсто для кочевки—лѣтняго своего становища и пускаетъ, въ этомъ мѣстѣ, въ лѣсъ огонь; быстро огонь охватываетъ подсохшую на землѣ листву и траву и разбѣгается по лѣсу, забирая, часто, громадныя пространства и оставляя за собою обнаженную землю, черновато-сѣрый пепелъ и опаленныя деревья. Въ землю, которая еще сохранила весеннюю сырость, огонь не проникаетъ и корней не сжигаетъ; онъ скользитъ по поверхности земли, но конечно, по дорогѣ уничтожаетъ всю молодую, въ особенности хвойную, поросль, опалаетъ кору старыхъ деревьевъ и, пробѣгая вообще быстро по лѣсу, задерживается лишь у основанія крупныхъ деревьевъ, въ особенности лиственницъ, встрѣчая тамъ обильное питаніе въ видѣ хвои, сухой травы и т. п. Годъ отъ году огонь подѣдаетъ болѣе и болѣе подобныя деревья, выжигая въ нихъ, постепенно, все большія и большія дупла. Еще болѣе, чѣмъ лиственница, отъ весеннихъ пожаровъ страдаетъ пихта, которая въ Сакмарскомъ бассейнѣ не растетъ, но встрѣчается въ немаломъ количествѣ въ бассейнѣ Бѣлой и ея притоковъ Нугуша, Инзера и др. Какъ только огненный языкъ лизнетъ основаніе пихты, мгновенно воспламеняется вся хвоя, и дерево представляетъ огненный столбъ. Этимъ то и объясняется то явленіе, что въ большинствѣ мѣстностей бассейна р. Бѣ-

лой иѣтъ старыхъ пихтъ; еще въ молодомъ возрастѣ ихъ губить огонь—обгораютъ хвоя, сохнутъ вѣтви и погибаетъ самое дерево.

Иное дѣло съ лѣсной травой: не пройдетъ трехъ—четырехъ дней послѣ пожара,—мѣстами какой нибудь ценекъ или валежникъ еще курятся,—а по землѣ пошла мелкая травка, и черезъ недѣлю вы уже видите траву, точно густую зеленую щетку.

Вотъ эта то трава и составляетъ цѣль стремлений башкира; на нее то вся деревня выпускаетъ свой скотъ и выѣзжаетъ на кочевку, устраивая себѣ шалаши изъ лубковъ и сучьевъ.

Августъ мѣсяцъ владетъ конецъ блаженству башкиръ и уже въ Сентябрѣ они устраиваются на зимнихъ квартирахъ по деревнямъ.

Посѣвами башкиры занимаются мало и то только въ деревняхъ, расположенныхъ по краямъ лѣсовъ, въ близи степей. Таковы часть волостей: 1-й и 2-й Бурзянской и Тангаурской. Въ лѣсу и въ горахъ морозъ бьетъ всякій хлѣбъ и рѣдко въ этой мѣстности находится болѣе одного—двухъ охотниковъ на деревню, и то не на каждую, попытать счастья въ посѣвѣ.

Лѣнливо относится башкиръ и къ заготовкѣ сѣна. Накосить мало, накосить повод, непременно подмочить и утѣшаетъ себя надеждой на *тибиневку*. Тибиневка—это зимнее пастбище по степямъ, гдѣ скотина отрываетъ себѣ кормъ изъ подъ свѣга копытами. Конечно она возможна только тѣмъ башкирамъ, во владѣніи коней, между лѣсами, находятся степныя пространства. Остальнымъ же приходится, почти ежегодно, подъ конецъ зимы, продовольствовать скотину вязовыми и ильмовыми вѣниками.

По отношенію къ своему лѣсу, башкиръ исповѣдуетъ своеобразный догматъ; онъ считаетъ лѣсъ своимъ кормильцемъ и *сполнѣ убѣжденъ въ его неистощимости*—въ томъ, что *какъ его не руби,—Промиселъ Божій всегда его насадитъ*.

«Лѣсъ», разсуждаетъ онъ, «нашихъ предковъ кормилъ, и нашихъ внуковъ прокормитъ,—ему *нѣтъ конца*».

Лѣсъ для башкира единственный источникъ заработка. Самъ по себѣ лѣсной матеріалъ, въ его глазахъ, не имѣтъ цѣны,—«Богъ его раститъ». Онъ цѣнитъ лѣсъ, какъ средство заработка, какъ средство примѣнить свой личный трудъ, который пока другаго помѣщенія себѣ не находитъ. Отдавъ свой лѣсъ въ *кортому* лѣсопромышленнику, башкиры ставятъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы лѣсопромышленникъ, для заготовки лѣса, не бралъ постороннихъ рабочихъ, и, напротивъ того, всю бы работу предоставлялъ имъ—владѣльцамъ лѣсовъ.

Та незначительная плата за лѣсъ, которую лѣсопромышленники